IX 1979

2 9 6

ТУ-19-241-77

7

2

студия
ДИАФИЛЬМ

Б. ЖИТКОВ
Про обезьянку
ХУДОЖНИК З. СМЕХОВ

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на переменке подходит ко мне товарищ мой Юхименко и говорит: «Хочешь я тебе обезьянку дам? Живую. Её Яшкой зовут. А то папа сердится: убирай, говорит, её куда знаешь». 2

После уроков пошли мы к Юхименке. Я всё не верил, что у меня будет обезьянка, и всё спрашивал, какая она. Юхименко говорит: «Она маленькая и без хвоста. Она макака, у них хвостов не бывает».

Действительно, оказалась маленькая. Морда старушечья, а глазки живые, блестящие. На обезьянке был надет синий жилет. Юхименко позвал Яшку. Тот закричал и в два прыжка вскочил Юхименке на руку. Он сейчас же сунул обезьянку в шинель, за пазуху.

Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Я говорю: «А кто у нас есть!» Все обернулись. Юхименко расстегнул шинель,

а Яшка как прыгнет и прямо маме на голову!

Все вскочили, закричали: «Ой, кто это?» А Яшка уселся на буфет и строит морды. Я оглянулся. Юхименки уже нет, ушёл. Значит, я остался хозяином обезьянки.

До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, со шкафа на печку. Я его оттуда щёткой, а он прыг на часы.

Тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Накрыли его шерстяным платком и завернули, запутали. Но отец сказал: «Не пеленать же обезьянку каждый раз на ночь. Надо её привязать. За жилет и к ножке, к столу».

Принесли верёвку. Я нащупал у Яшки на спине пуговицу, продел верёвку в петлю и крепко завязал. Потом привязал верёвку к ножке стола и только тогда размотал платок.

Яшка сразу присмирел. Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил чёрной лапочкой кусок и заткнул за щёку. От этого вся мордочка у него скривилась.

Я пощекотал ему ладошку, а Яшка как дёрнет лапку — раз и меня по щеке. Надавал мне оплеух и прыг под стол.

Ночью я всё прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно ему надо устроить кроватку, чтобы он спал, как люди. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил и, не одеваясь, к Яшке. Смотрю, на верёвке жилет привязан, а Яшки нет. Я перепугался. А ну как убежал на улицу? На улице мороз — замёрзнет, бедный. И самому стало холодно.

Я побежал одеваться. Вдруг вижу, в моей кровати что-то возится. Я даже вздрогнул. Вот он где! Яшка спросонья не дичился, дался в руки, и я напялил на него снова синий жилет.

Когда я уходил в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. Прихожу, а он висит на дверной ручке и катается на дверях, как на карусели.

Я сел готовить уроки и посадил Яшку на стол, возле лампы. Учитель у нас был строгий, и я чистенько написал страницу. Написал и оставил, чтобы чернила просохли. А сам вышел из комнаты.

Возвращаюсь и вижу: сидит Яков на тетради, макает пальчик в чернильницу и выводит чернильные вавилоны по моему писанию. Я чуть не заплакал от горя.

Бросился на Яшку. Да куда! Он на занавески — все занавески чернилами перепачкал. Вот оно почему Юхименкин папа на них с Яшкой сердился...

Но раз и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвёт лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. А потом привязал его в наказанье на лестнице, что вела на чердак.

Утром идёт отец на службу. Спускается по лестнице. Хлоп! Штукатурка падает. Отец глянул вверх — никого. Только пошёл — хлоп, опять кусок извёстки прямо на голову? Что такое?

А это Яшка наломал от стены извёстки, разложил по краям ступенек, а сам притаился. Только отец пошёл, а Яшка толк ножкой штукатурку да так ловко, что прямо отцу на шляпу. Это он мстил ему за то, что отец его вздул.

Помирился с ним Яшка из-за конфет. Отец как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре конфетки. Каждый раз после обеда он ногтем открывал крышку портсигара и доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждёт.

Вот отец раз отдал портсигар Яшке. Яшка взял его в руку, а другой попробовал открыть крышку. Но крышка тугая, и ничего не выходит у Яшеньки. Тогда он схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал отковыривать крышку.

Отца это рассмешило. Он открыл крышку и поднёс конфеты Яшке. Яшка сразу запустил лапу, награбастал полную горсть и скорей в рот.

Яшка был большой сластёна. Однажды пришли в гости девочки. Сели завтракать. Яшка сидел у меня за пазухой, и его совсем не было заметно. Под конец роздали конфеты. Только я стал первую разворачивать, вдруг...

...из-за пазухи, прямо из моего живота, вытянулась мохнатая ручка, ухватила конфету и назад. Девочки взвизгнули от страха. А я им говорю: «Это у меня третья рука: я этой рукой прямо в живот конфеты сую».

Был у нас знакомый доктор. Болтать любил — беда. Особенно за обедом. Вот раз обедает он у нас, ткнул вилкой в картошку и вилкой этой размахивает — говорит.

Яшенька поднялся по спинке стула, лапочкой тихонько за картошку и снял её с вилки.

Доктор тык пустой вилкой себе в рот. Сконфузился, думал, стряхнул картошку. А Яшки уже нет—сидит в углу и картошку жуёт.

Когда началась настоящая зима, Яшке сшили платьице, зелёненькое, с пелеринкой, и стал он похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз я слышу звон в соседней комнате. Прибегаю и вижу: стоит на подоконнике Яшка в зелёном платьице и с остервенением чистит ёжиком ламповое стекло.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернёт огонь полным пламенем — лампа коптит, сажа летит по комнате, а он сидит и рычит на лампу. Беда стала с Яшкой, хоть в клетку сажай.

Настала весна. Яшка ожил и ещё больше проказил. Очень ему хотелось во двор, на волю. А двор у нас был огромный. Посреди двора был сложен горой казённый уголь, а вокруг склады с товаром.

От воров сторожа держали во дворе целую свору собак. А командовал ими рыжий пёс Каштан. На кого Каштан зарычит, на того все собаки бросаются.

Раз посмотрел я в окно — вижу, нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду выведу Яшеньку погулять первый раз. Надел на него зелёненькое платьице, чтоб не простудился, посадил к себе на плечо и пошёл.

Только я двери раскрыл—Яшка прыг наземь и побежал по двору. И вдруг, откуда ни возьмись, вся стая собачья, и Каштан впереди.

Каштан сунулся к Яшке, стал на шаг от обезьянки, оскалился и ворчал. Собаки все ощетинились и ждали, что Каштан будет делать. А Яшка, как зелёненькая куколка, стоит, маленький.

Я хотел броситься выручать его. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть клочьями полетела с Каштана.

Каштан с ума сошёл: носится вокруг угольной горы с диким воем. Раза три обежал Яшка верхом вокруг двора и спрыгнул на уголь. А Каштан—в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку во двор. Приедут подводы, весь двор забьют. А Яшка с возу на воз перелетает. Извозчики только смеются.

Заберётся Яшка на мешки, просунет лапку в щёлочку и щупает, что там. Нащупает, где подсолнухи или орехи, сидит и тут же на возу щёлкает.

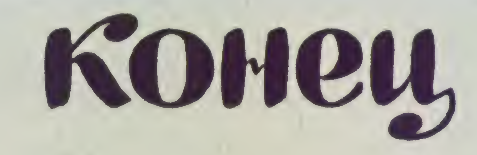
Раз так изюму наелся, что еле-еле его отходили. Пришлось Яшку поить касторкой. А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтоб ему ещё дали.

Пока было лето, Яшка целыми днями прыгал по двору. А как настала осень, все в доме сказали: «Куда хочешь убирай свою обезьянку или сажай в клетку». Очень уж Яшка проказил.

Как только началось ученье, я стал искать в классе кому бы сплавить Яшку. Подыскал, наконец, товарища. Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил...
Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

Сценарий К. АРОНА
Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ИВАНОВ

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30

Д-037-76